

Илья Рейдерман

«Хочу пошелестеть словами...»

В этом году Илье Исааковичу Рейдерману исполнится 75 лет. Для кого-то это возраст старости, для него – интенсивного творчества. Он музыкальный и художественный критик, философ, но прежде всего – поэт. Предполагал, что перед новой подборкой стихов помещу статью о юбиларе или интервью с ним, – обстоятельства помешали этому сейчас. Надеюсь, что интервью мы опубликуем в декабрьском выпуске. А сейчас, предваряя стихи Ильи Рейдермана, поздравляю его с премией имени Константина Паустовского.

Евгений Голубовский

Автор, роясь в своем архиве, обнаружил, что всю жизнь в стихах занимается своего рода «натурфилософией», размышляя об утраченной нами, городскими жителями, связи с природой. Ему захотелось собрать все эти стихи в книгу, фрагмент из которой он и предлагает.

* * *

Вижу я, как под солнцем трепещет листва, –
эти искры бегущие, блики!
Это жизнь, что жива, это жизнь, что права,
все ее бесконечные лики...
Это строки, которых не в силах прочесть, –
но как можно бы глубже вчитаться!
Может быть, это самая важная весть,
слово истины в ней, может стать.
И пока не успели ее отменить,

и пока не срубили деревья,
нужно жить, нужно длить вековечную нить,
преисполниться нужно доверья...
Разве книга, где листья – слова, мне ясна?
И живя, разве ей не перечу?
Это дерево, зримое мной из окна,
головой мне кивает. Отвечу?

* * *

Всей своей плотью прильнувши к цветку,
запаха розы дай мне, пчела.
Ибо завидно мне, старику,
вспомню, как жизнь и сладка, и мила.
Роза – жужжаньем пчелы поделись,
этим упрямством, упорством пчелиным,
чтобы сказал я мгновению: длись,
не прерывайся, будь цельным, единым.
Черные беды, свет мне затмив, –
словно дожди, без конца, без предела.
Ну а в душе моей тот же мотив,
так же глядит, как когда-то глядела.
Видит, как в розу зарылась пчела,
в вечном и благословенном усердьи.
Словно бы в мире и не было зла.
Словно бы есть только жизнь и бессмертье.

* * *

Сквозь нас, конечно, прорастет трава,
когда умрем. Ну, а живем покуда, –
родство с природой только лишь слова,
ее живого мы не знаем чуда?
Ты, жизнь, рукою рану зажимая,
молчишь и терпишь, боль свою тая.
Но как же нам понять, что ты – живая,
самим испить из чаши бытия?

Ужасно скучно жить с тобой в разлуке,
и катятся пластмассовые дни...
Неужто зря деревья тянут руки?
Ах, снова с нами их соедини!

* * *

Упоенно каркает ворона,
и трещит настойчиво сорока.
Это в глубине микрорайона,
там, где рядом – зданья и дорога.
Разве стали мы к природе ближе?
Нет – она к нам ближе поневоле,
ибо всюду – люди, окна, крыши,
нет ей места, нет простора, воли.
Что она, невольница-природа,
прилепившаяся к нам случайно?
Изначально в ней жила свобода
и уму не ведомая тайна.
Стала окончательно средою
(понедельником! – пространством будней!),
и душа, придавлена бедою,
векового камня беспробудней?
Правда, небо есть еще и море
(волны мы еще не замостили).
Ничего, и с ними сладим вскоре
в том же духе и в таком же стиле.
Если дух природы свергнут с трона, –
человек, тебе не одиноко?
...Упоенно каркает ворона
и трещит бессмысленно сорока.

* * *

А счастье – не в былом, и не потом –
сейчас, пока глядишь, всему внимая,
вдохнув весенний воздух жадным ртом,

все горько понимая, принимая.
Ты – зиму пережившая трава,
что зеленеет среди других травинок.
Поймешь, в чем ты неправ, а жизнь – права.
Права – Природа. Этот мир – не рынок.
Всё – неразменно! Всё – лишь в этот миг!
Всё – наудачу, наугад, случайно.
Как солнце – жизнь! На миг покажет лик, –
и спрячется. И снова станет тайной.
Но мы поймаем этот тонкий луч,
зажмем, подобно путеводной нити.
Нам солнце видно даже из-за туч!
Освещены им будут все события.
Да жизнь права, вступив в свои права.
Весна права. И только мы – неправы.
Гляди во все глаза! Все прочее – слова,
которых не поймут деревья, травы.

* * *

У небес своя забота.
Откровение дождя!
Шепчет он, бормочет что-то,
в грязь весеннюю летя.
Капля – полнота мгновенья.
Эй, откликнись, кто живой!
Смысл такого откровенья
постигаешь, став травой.
Все, что облако таило,
что копило много дней,
что открыло, что излило, –
с каждым днем весны ясней.
Все, что небеса скрывали –
в землю, в тайну влажной тьмы!
И росток – откроет дали.
И цветок – смутит умы.

Только спрашивать нелепо
у очнувшихся от сна,
что им рассказало небо,
прошептала глубина.

Облака на рассвете

Эти облачные громады,
что подсвечены солнцем слегка...
Вы из сахара или из ваты?
Как меняетесь вы, облака.
Солнце так хотело пробиться,
находя просвет в облаках!
Что ж, придется и нам потрудиться,
одолев бессилье и страх.
Эти тучные темные горы,
что по краю – с каймой световой.
Нужно рыть в них глубокие норы,
преисполнившись веры живой.
Разгребая своими руками
эту вату, а может быть, шерсть.
Солнце скрыто за облаками.
Но оно, конечно же, есть!
Лишь раздвинь облака, как стены,
отопри сознания тюрьму!
...И ловлю я лучик мгновенный.
Да и сам – подобен ему.

* * *

Я в маршрутке еду – одержать победу?
Еду в парк – глазеть на облака,
поздней осенью – сказать спасибо лету,
гладить тополию шершавые бока.
Человечья жизнь – звучит фальшивой нотой,
не настроившись на верный камертон.

Нужно просто подышать свободой,
шелестеть с листвою в унисон.
Не цепляются за ветви листья эти,
а слетают тихо, в воздухе кружа.
Так летит, уже оставив все на свете,
и танцует в небе легкая душа.
Грусти нет. Лишь ясность и прохлада.
И не нужно никаких побед,
если твердо знаешь, что душа – крылата,
что летит она, как бабочка, на свет.

Дерево под окном

Еще вчера – предчувствие и робость.
Что этой ночью с ним произошло?
Все – словно в белом пламени – вот новость!
Все – до последней ветви – расцвело!
Весна и нам ведь подавала знаки,
звала, твердила: нужно поспешить!
Быть может, не хватает нам отваги,
чтоб стать собой, свою судьбу свершить?
Открыть глаза, и вдруг постичь: весна!
Она в тебе, в крови и в сердца ритме.
Она творит, прогнав остатки сна,
и гонит строчку к завершенью, к рифме.
Как деревце – откликнуться на зов!
Рискуя жить, благой отдавшись воле.
...Как сладко снова повторять с азов
всю азбуку и радости, и боли.

* * *

Хочу пошелестеть словами –
как бы пошелестеть листвою.
Стою в твоём, Природа, храме.
Но твой ли я? Увы, не твой.

Могу лишь на твоём пороге
побыть. Вот полдень. Вот гроза.
Не стал я деревом высоким,
что тянет ветви в небеса.
Но все ж слегка понятен лепет
листвы (о чем? – не объясню).
Тут жизнь живет, страдает, терпит,
и просто радуется дню.
Зимой думает о лете,
и лба не морщит, смысл ища.
Она не ведаёт трагедий
и умирает, не ропща.
А нам – то препираться с веком,
то злобе дня сдаваться в плен,
и становиться человеком,
и падать, и вставать с колен.
Природа, дар ты нам вручила!
Вот мыслей холод, страсти жар.
...Шумит листва и над могилой
того, кто растранижил дар.

